

Е. А. Салиас

Ведунья

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
Е11

Е11 **Е. А. Салиас**
Ведунья / Е. А. Салиас – М.: Книга по Требованию, 2021. –
414 с.

ISBN 978-5-458-52610-4

ISBN
978-5-458-52610-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

На дворѣ, по близости отъ экипажа и въ другихъ мѣстахъ, близъ кухни, близъ сарая и конюшенъ, стояли кучками пришедшіе изъ деревни мужики и бабы. День этотъ былъ знаменательнымъ днемъ въ усадьбѣ. Были сборы въ путь, собирали въ дальнее путешествіе молодого барчука, Павла Антоновича Ковылина.

Сначала, тому назадъ мѣсяца съ три, извѣстіе о предстоящемъ путешествіи барчука, о цѣли этого путешествія — смутило и поразило всѣхъ, отъ домочадцевъ до мужиковъ и до послѣдняго парнишки на селѣ.

Баринъ Павелъ Антоновичъ — „истинный баринъ“ — отправлялся въ монастырь, поступать въ послушники, а затѣмъ, стало быть, и въ чернецы-монахи. Сначала много и долго судили и рязали объ этомъ всѣ обитатели Желтыхъ Вражекъ, но постепенно привыкли къ извѣстію, а когда приблизился и наступилъ день отъѣзда молодого барина, то всѣ уже глядѣли на это происшествіе, какъ на нѣчто совершенно естественное и заурядное.

На всей деревнѣ нашелся только одинъ мужикъ, семидесятилѣтній старикъ Финогенъ, который часто говорилъ и растолковывалъ всякому встрѣчному и поперечному, что дѣло господа затѣяли неладное; хотя и богоугодное, да не совсѣмъ чистое. По его мнѣнію, отцу Евлампію, ихъ священнику, слѣдовало вступить въ это дѣло и если допускать его, то, по крайней мѣрѣ, обождать. Хотя дѣло и хри-

стіанское, спасительное, да не „этакъ“ его дѣлають. Тутъ „не тѣмъ“ пахнетъ.

Дѣло, правда, было темное. Года съ два тому назадъ, въ усадьбѣ Желтые Вражки жила добрѣющая женщина — помѣщица Ковылина, урожденная Красноглотова, съ двумя дѣтьми: шестнадцатилѣтнимъ малымъ, котораго обожала и звала Павликомъ, и съ маленькой, шестилѣтней дѣвочкой.

Барыня была уже нѣсколько лѣтъ вдовой, жила съ дѣтьми одиноко, тихо и мирно, изрѣдка прихварывая. Къ ней часто пріѣзжали въ гости капитанъ Пандурскаго полка, приходившійся ей роднымъ братомъ, и его жена. Вдова не только водила хлѣбъ-соль со своими родственниками, но помогала имъ щедро, и между семьями была большая дружба. Капитанъ относился къ сестрицѣ почтительно, частенько цѣлуя у ней ручки. Жена его тоже обожала и перевозносила невѣстку до небесъ за ея бывшую красоту, теперешнюю доброту и будущее наследованіе царства небеснаго, за всѣ ея добродѣтели.

Вдова, прихварывавшая все больше каждый годъ, начала часто поговаривать и о смерти, на что братецъ-капитанъ и его жена всегда отвѣчали, что если бы Господь и прибралъ ее, то „мы-то на что-же?“ Они тутъ! И ея дѣтокъ не оставятъ! За всѣ ея благодѣянія отплатятъ ей заботами и уходомъ за сиротами. Одно только важно — надобно при жизни „на

законѣ поставить“ всѣ обстоятельства, надо такую небольшую бумажку подписать. Тогда они не только могутъ, но передъ закономъ и передъ правительствомъ обязаны и отвѣтственны соблюсти какъ души сиротъ, такъ и ихъ издѣніе, т. е. все ихъ состояніе и доходы.

И добрая вдовушка, чувствуя дѣйствительно, что долго не проживетъ, все чаще грустила о томъ, каково-то будетъ послѣ нея малому ребенку Павлику, которому однако уже было шестнадцать лѣтъ, а равно, что станется съ сироткой Софьюшкой, еще совершенно маленькой дѣвочкой. Кончилось, разумѣется, тѣмъ, что вдова Кобылина все дѣло и всѣ обстоятельства „поставила на законѣ“, а затѣмъ скончалась.

И вотъ вся вотчина Желтые Вражки, судьба которой была упорядочена казенной бумагой, иначе говоря — завѣщаніемъ, приняла совершенно иной видъ. Въ усадьбѣ поселился капитанъ съ супругой, въ качествѣ законнаго опекуна. Порядки завелись совершенно иные. Послѣ добрѣйшей старухи, никого пальцемъ не трогавшей, пошелъ въ дѣло кулакъ, а чаще всего — черкеска отставнаго капитана. Скоро объ этой черкескѣ на сто верстъ кругомъ имѣли понятіе. Хотя и мала она была, а быстро прославилась, чуть не на весь уѣздъ. Черкеска была просто маленькая, но здоровенная нагайка, съ пулей, вшитой на кончикѣ. И на деревнѣ, и въ околоткѣ не было теперъ ни

одного мужика, ни одной бабы, которые бы не могли, показавъ у себя гдѣ-нибудь на тѣлѣ нальцемъ, не прибавить, говоря про черкеску:

— По сю пору помню. Синякъ-то во какой былъ. Отъ Миколы Зимняго и до Великаго поста зудило.

Такимъ образомъ, въ Желтыхъ Вражкахъ оказались помѣщики—капитанъ съ супругой, но не настоящіе. Настоящіе господа были молодой барчукъ Павелъ Антоновичъ и его сестренка, маленькая Софья Антоновна.

Въ усадьбѣ пошло житье довольно веселое. У отставнаго палдурскаго капитана было много знакомыхъ и пріятелей, которые часто пріѣзжали изъ сосѣдняго города. У его жены было не мало пріятельницъ. Жилось въ усадьбѣ широко, а когда помѣщики—опекуны, оставляя дѣтей въ вотчинѣ, отъѣзжали на время, на праздники—святки или Пасху—въ городъ, то тамъ жилали еще шире и веселѣе. Красноглововъ, у котораго когда-то не было ни алтына за душой и который жилъ подачками своей покойной сестры, теперь, чрезъ два года, уже начиналъ торговать порядочное имѣніище по сосѣдству съ Желтыми Вражками.

Опекуны, стало быть, о себѣ не забывали, среди попеченій о сиротахъ.

И крестьяне, и дворяне, конечно, понимали, въ чемъ дѣло. Но это были только цвѣточки, а ягоды были впереди. И теперь именно ягоды эти поспѣли. Молодого барчука, конечно, изъ

любви къ нему, ради спасенія его души, убѣдили опекуны — дяденька съ тетенькой, что „въ мірѣ жизнь—каторга“, одинъ грѣхъ; самая истинная жизнь—это въ обители.

— Что земная жизнь? Прахъ! Надо думать о будущей жизни. Если бы меня родители мои, по глупости своей, не отдали въ Пандурскій полкъ, да не будь я капитанъ, давно бы я въ монастырь пошелъ,—говорилъ дяденька.

— Если бы меня, по молодости моей и неопытности, не выдали замужъ за твоего дяденьку, ужъ конечно и я бы пошла въ черницы,—говорила тетенька.

Скоро и мамъа дѣтей Ковылиныхъ, старая и глупая Антипьевна, равно начала говорить то же самое своему питомцу, котораго выходила. Но она говорила при этомъ не свои слова, а повторяя, перевирала все, что приказывали ей опекуны.

Рѣчь о спасеніи души началась не такъ давно. Павлику было теперь восемнадцать лѣтъ. Но, какъ всѣ недоросли его времени, добродушный, безграмотный, робкій и безвольный, Павликъ умѣлъ только отмалчиваться. Мать когда-то, и еще недавно, баловала его всячески, потому что обожала. Но баловство это не сдѣлало изъ Павлика баловня и шалуна со своимъ нравомъ. Онъ уродился со слишкомъ дѣвичьей душой, и полная свобода во всемъ не могла сдѣлать изъ него своевольнаго.

малаго. Не разъ случалось ему напалить на деревнѣ или въ усадьбѣ; но, при малѣйшемъ кроткомъ выговорѣ матери, онъ смущался, просилъ прощенія и готовъ былъ прослезиться. Его сестренка, которая была на десять лѣтъ моложе его, казалась иногда съ большей волей, чѣмъ онъ. Съ ней случалось теперь опекунамъ бороться. Она упрямилась, дико и сердито взглядывала изъ-подлобья. И добрая тетенька уже давно вслухъ при всей дворнѣ звала ее „чертенкомъ“.

— Съ Павликомъ все можно сдѣлать, — говорила она, — а вотъ съ этимъ чертенкомъ мы повозимся.

Наконецъ вопросъ о поступленіи юноши въ монастырь не только былъ рѣшенъ, но капитанъ-опекунъ уже написалъ одному настоятелю, игумену, бывшему своему родственнику. Монастырь этотъ, близъ города Каинска, среди дремучаго лѣса, въ глухихъ дебряхъ, былъ за двѣсти слишкомъ верстъ отъ усадьбы Желтые Вражки. Почему капитанъ не выбралъ болѣе близкаго монастыря, — онъ никому не говорилъ. За десять верстъ отъ нихъ была такая же святая обитель, гдѣ были такіе же монахи, гдѣ можно было такъ-же найти души спасеніе. Но капитанъ предпочелъ отправить опекаемаго имъ племянника подалыне отъ всѣхъ соблазновъ, подъ начало къ родственнику, который не станетъ никому разъяснять — почему юношу хотятъ постричь.

II.

Когда наступилъ день, давно назначенный для отъѣзда будущаго послушника, то во всемъ околотеѣ, даже во всемъ уѣздѣ, нашелся только одинъ человекъ, и то крестьянинъ — Финогенъ, который качать головой, вздыхать и находить все дѣло неладнымъ. Всѣ остальные, въ особенности пріятель и знакомые Красноглотова, охали и ахали — какое благое дѣло надумали опекуны. И лишь одинъ изъ пріятелей однажды спросилъ у капитана:

— А какъ ты дѣло обставилъ? Смотри, чтобы нахлобучки не получить отъ кого изъ начальственныхъ лицъ.

Капитанъ усмѣхнулся, помигалъ своими круглыми, бѣловатыми глазами и отвѣчалъ кратко:

— Я дуракомъ никогда не бывалъ!

И по этимъ словамъ пріятель не столько понялъ, сколько почувствовалъ, что капитанъ дѣло обставилъ превосходно. Пріятель невольно сообразилъ, что ужъ если капитанъ съумѣлъ, за два года управленія и опеки, поставить себя въ такое положеніе, что пріискивалъ купить по сосѣдству имѣніе, когда прежде у него не было ни гроша, то ужъ сбыть племянника въ монастырь — дѣло куда проще. Тутъ только

воля и острастка нужны. Но однако пріятель мысленно сострилъ насчетъ Павлика:

— Опекли и упекли, — подумать онъ.

Пока люди сновали по дому, накрывая па-
столю и укладывая тарантасъ всякимъ скар-
бомъ и узелками, капитанъ ходилъ по всему
дому, руки въ карманы широкихъ шароваръ,
и, посвистывая, постоянно улыбался. Давно
ждалъ онъ этого денька, и вотъ онъ наконецъ
наступилъ. На его улицѣ праздникъ. Спасибо,
попался такой мальчишка, какъ изъ воску
яраго — дави и мни его, какъ хочешь. Дру-
гой бы шумѣть сталъ, а то хуже — безъ вся-
каго шума удралъ бы въ городъ, по науще-
нію чьему нибудь, да и пожаловался бы на-
чальству за насильственное спасеніе его души.
А этотъ знай ухмыляется кисленько да обли-
зывается, не солоно хлѣбавши, но все-таки
ѣдетъ безпрекословно.

Разумѣется, теперь только начало, а глав-
ное впереди. Вся суть въ томъ, чтобы его
дѣйствительно постричь въ чернецы. Пока
онъ послушникомъ, то всякій день вернуться
можетъ, а въ день совершеннолѣтія такой мо-
жетъ дымъ коромысломъ пустить въ усадьбѣ,
что капитану придется ноги уносить.

— Ну, да тамъ видно будетъ, — прибавилъ,
самъ себѣ ворча подъ носъ, капитанъ. — А по-
ка все обстоитъ удивительно.

Въ то же время тетенька-капитанша, по-
садивъ передъ собой юношу, тянула слово за

словомъ и повторяла въ десятый разъ все одно и то же, что зазубрила, какъ могла, со словъ своего мужа. Она толковала племяннику—какое удивительное и утѣшительное житье предстоитъ ему.

— Дубравушка кругомъ монастыря, — говорила она, — рѣчка течеть, и стѣны—бѣлыя, каменные, и все келейки.... И въ каждой-то келейкѣ монахъ сидитъ и Богу молится. Ужъ такъ хорошо, что просто сердце трепещеть при одномъ этомъ мечтаніи.

Толстая тетенька убѣждала Павлика, что онъ долженъ ежечасно молиться не только за себя и за сестру, но и за нихъ, за капитана и за нее.

— Если-бы не мы, твои дяденька съ тетенькой, — говорила она, — то быть бы тебѣ въ міру и погибнуть, пропадомъ пропасть. Будь жива твоя матушка, Богъ вѣсть, что бы съ тобой приключилось. Пошелъ бы рыбу удить и утонулъ, поѣхалъ бы верхомъ, свалился бы и головку на-двое расшибъ. Поѣхалъ бы въ городъ, тамъ бы тебя какой пріѣзжій въ карты бы научилъ играть. А кто карты въ руки взялъ, у того дьяволъ за плечами устроился, да такъ всю его жисть за нимъ и ходить. А то еще того хуже, повстрѣчалъ бы какую каналью дѣвицу, съ лица прелестницу, которая тебя бы совѣмъ загубила, на себѣ бы женила. И пропала бы твоя душенька! Въместо святой жизни, началъ бы ты жисть грѣхов-

ную, человѣчью, плотскую, и навѣрно бы пьянствовать начать, пьянымъ повсюду валяться и подохъ бы какъ песь. А теперь, самъ посуди, заживешь ты богоугодно, за каменной бѣлой стѣной, гдѣ все келейки чистенькія и свѣтленькія, и въ каждой келейкѣ монахъ сидитъ и Богу молится.

И много разъ съизнова начинала тучная тетенька свою белиберду, часто перевода дыханіе и отдуваясь, какъ если-бы не сидѣла, а шла по жарѣ въ вкрутую гору.

Павликъ слушалъ усердно и внимательно, но слушалъ уже давно и уже такъ прислушался къ одной и той же однозвучно повторяющейся рѣчи, что наконецъ зналъ наизусть каждое слово, которое, отдышавшись, вытянетъ изъ себя и выпуститъ толстая тетенька. Павликъ слушалъ, слушалъ и думалъ:

— А ужъ и какъ-же я глупъ! Вотъ ужъ и истинный дуракъ. Все, что сказываетъ тетенька, такое распрекрасное — кажется мнѣ совсѣмъ не прекраснымъ. Ну, что же тутъ такого, что все вельи, да все монахи, да все Богу молятся. Мнѣ сдуру сдается, что для меня бы совсѣмъ не то нужно. То ли бы дѣло верхомъ скакать, на качеляхъ качаться, съ дѣвчатами на селѣ хороводы водить, пѣсни пѣть! Ну, да, авось, Богъ дастъ, доѣду до монастыря, тамъ пойму, какъ людямъ жить надо. Только вотъ что чудно: дяденька съ тетенькой люди бездѣтные, — чего они сами не